

в словопроизводстве классификационные и ассоциативные признаки термилируемых обозначений. Признаем, что эпонимические термины составляют культурный фонд цивилизации, и отказ от них может означать забвение достижений предшествующих поколений ученых, чего, конечно, не должно быть. Поэтому в целом речь должна вестись не о вытеснении отыменных наименований, а об их иерархии в ряду соположенных терминов. Представляется, что основным и фиксируемым в словаре на первом месте должен быть все-таки термин квалификационный, поскольку он своей внутренней формой сигнализирует о сути называемого понятия. А эпонимический термин может и должен выступать в качестве тождественного вариативного, например, *гипотеза лингвистической относительности – гипотеза Сепира-Уорфа*.

Библиографический список

- Гринев С.В. Введение в терминоведение. М., 1993.
Казарина С.Г. Типологические характеристики отраслевых терминологий. Краснодар, 1998.
Квитко И.С., Лейчик В.М., Кабанцев Г.Г. Терминоведческие проблемы редактирования. Львов, 1986.
Лейчик В.М. Предмет, методы и структура терминоведения. АДД. М., 1989.
ССЛТ – Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М., 2000.
Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В. Общая терминология. Вопросы теории. М., 1989.
ЭСМТ – Энциклопедический словарь медицинских терминов: В 3-х т. М., 1984.

В.Д. Шевченко

РОЛЬ КОГНИТИВНЫХ МОДЕЛЕЙ В ПРОЦЕССЕ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ ДИСКУРСОВ

Самарский государственный университет

Дискурсивные исследования в России и за рубежом направлены на исследование языковых и экстралингвистических составляющих дискурсов, а также дискурсивной типологии. На наш взгляд, в свете последних достижений в данной области когнитивной лингвистики и других смежных наук следует также обратиться к проблеме взаимоотношений между различными типами дискурса.

При включении фрагмента одного дискурса в другой мы сталкиваемся с таким процессом взаимодействия дискурсов, как интерференция. Приведем рабочее определение этого процесса: **интерференция дискурсов** представляет собой наложение признаков одного дискурса (включенного) на другой (принимающий), в результате чего происходит их комбинирование, взаимовлияние и взаимодействие; при интерференции происходит вхождение в виде фрагмента в принимающий дискурс наряду с текстом нового социокультурного контекста, который включает в себя новых участников коммуникации, их характеристики, а также процессы и обстоятельства производства такого рода включений.

Фрагмент иного (включенного) дискурса сначала предстает в виде интертекстового включения, которое и является его признаком; последующее раскрытие связей с его социокультурным и историческим контекстом (предположим, что этими связями являются знания читателя-интерпретатора дискурса или процесс приобретения таких знаний), т.е. той внетекстовой реальности, того фрагмента действительности, который стоит за этим текстом, ведет к осознанию его именно как фрагмента дискурса. Текст служит, таким образом, средством презентации дискурса, являясь одной из его составляющих.

Следует отметить, что благодаря комбинированию различных дискурсов и их взаимодействию структура принимающего дискурса меняется: происходит вплетение “новой” социально-исторической ткани [8, 558] одного дискурса в социально-историческую ткань принимающего дискурса. Хотелось бы отметить особую роль знаний коммуникантов – например, читателя-интерпретатора дискурса – в осознании **текста** именно в качестве **фрагмента дискурса**.

Весьма важным для настоящего исследования интерференции дискурсов является вопрос о знаковости текста и ее роли в **восстановлении дискурса** через **текст**. Поскольку текст рассматривается многими исследователями и как сложный знак, и как символ культурного контекста, определенного культурно-исторического периода, эпохи [2, 75], можно сделать вывод, что в рамках интертекста и паратекста сталкиваются как минимум два знака, каждый из которых символизирует иную, отличную от обозначаемой другим знаком реальность, иной социокультурный контекст, иную историческую действительность. На другую действительность часто указывают знаки, конституирующие более сложный знак – текст. Эти знаки взаимодействуют друг с другом в процессе интерференции.

С нашей точки зрения, процесс интерференции дискурсов следует рассматривать как один из процессов, происходящих в рамках семиосферы, поскольку, как пишет Ю.М. Лотман, “Семиосфера многократно пересекается внутренними границами, специализирующи-

ми ее участки в семиотическом отношении. Информационная трансляция через эти границы, игра между различными структурами и подструктурами, направленные непрерывные семиотические “вторжения” той или иной структуры на “чужую территорию” образуют порождения смысла, возникновение новой информации” [6, 92]. На наш взгляд, включение фрагмента определенного дискурса в структуру принимающего как раз является частным случаем “вторжения” определенной структуры на “чужую территорию”, приводящего к иному осмыслению событий и явлений современной действительности, сопоставлению различных социокультурных практик.

В настоящей работе будет проанализирован случай, в котором в процессе интерференции происходит включение в состав современной публицистической статьи фрагмента текста иного жанра, связанного с предметно-референтной ситуацией, отличной от той, которая изображена в принимающем тексте. Именно благодаря выходящему на первый план контрасту между отражёнными во взаимодействующих разножанровых текстах предметно-референтными ситуациями мы будем относить подобные случаи к жанрово-ситуативному типу интерференции дискурсов.

Рассмотрим один из таких случаев интерференции поэтического и публицистического дискурсов: в состав современной публицистической статьи, посвященной трагическим событиям 11 сентября 2001 г., вставлен фрагмент поэмы Альфреда Теннисона “The Charge of the Light Brigade”, датированный серединой XIX века, в котором дается характеристика и описываются действия солдат во время боя:

XVI. NEVER FORGET

In the firehouses of New York, pride is mixed with a tinge of bitterness. The nation's new heroes, working without a contract, are mobbed by flower-bearing fans offering thanks and tears. They're also attending rounds of funerals each day and collecting their brothers' memorial booklets, stand-ins for bodies. Some firefighters are recalling the words of Tennyson's “Charge of the Light Brigade.”

*Was there a man dismay'd?
Not tho' the soldier knew
Someone had blundered:
Theirs not to make reply,
Theirs not to reason why,
Theirs but to do and die.*

There are fragmentary reports that some of the chiefs tried to call their men out of the North Tower before it collapsed, and that even Feehan had a premonition: in the final minutes he put his men to work digging in the rubble, not racing into the doomed building. No

one will ever know exactly what happened. Most firefighters just shrug and say, “Heaven has some fire department now.” ...

(Newsweek, Dec. 31, 2001/Jan. 7, 2002)

При включении в состав текста современной публицистической статьи фрагмента поэтического произведения мы в самом начале также сталкиваемся с процессом комбинирования коммуникативных целеустановок и функций данных разножанровых текстов. Какими факторами определяется коммуникативная целеустановка поэтического текста? Для ответа на этот вопрос необходимо рассмотреть особенности данного типа текстов.

Поэтический текст – это особое произведение, специфичность которого подчеркивается благодаря контрасту с жанром и функциями принимающего текста. Специфика же поэтического текста, как отмечают исследователи, заключается в том, что стихотворная форма служит уникальным инструментом превращения слова в один из предметов искусства. Это превращение достигается прежде всего благодаря присущей стиху необычной организации речи, которая придает особую значимость и специфическую природу высказыванию. Поэзия обладает повышенной ёмкостью всех составляющих её элементов. Стихотворная форма (поэтической) речи, возникающая как обособление от языка действительности, как бы сигнализирует о “выведении” художественного мира из рамок обыденной достоверности. Стих, всесторонне организуя звучащую материю речи, придает ей ритмическую закругленность, завершенность, которые в эстетике прошлого нераздельно связывались с совершенством, красотой [4, 779].

Особый характер поэзии был отмечен еще Аристотелем, который писал что “... поэзия философичнее и серьезнее истории: поэзия говорит более об общем, история – об единичном” [1, 356]. Если рассматривать принимающий текст как особое средство фиксации исторических событий, то можно предположить, что включенный фрагмент поэтического произведения способствует формированию философского взгляда на эти события, нахождению схожего в отличном.

В этой связи представляет интерес следующее наблюдение П. Вердонка: “To put it differently, poetry does not make direct reference to the world of phenomena but provides a representation of it through its peculiar and unconventional uses of language which invite and motivate, sometimes even provoke, readers to create an imaginary alternative world” [11, 12]. Следует отметить, что, в отличие от поэтического, публицистический текст непосредственно связан окружающей действительностью, поскольку его основными референтами являются реальные события, явления, личности и т.п.

Размышляя о природе поэзии, Ю.М. Лотман в своих лекциях по структуральной поэтике отмечает, что “... стихотворение — сложно построенный смысл. Положение это следует понимать таким образом: входя в состав единой целостной структуры, значащие элементы языка (в первую очередь семантические) оказываются связанными сложной системой соотношений, со- и противопоставлений, невозможных в обычной языковой конструкции. Это придаёт и каждому элементу в отдельности, и всей конструкции в целом совершенно особую семантическую нагрузку.

Слова, предложения и высказывания, которые в грамматической структуре находятся в разных, лишенных черт сходства и, следовательно, несопоставимых позициях, в художественной структуре оказываются сопоставимыми и противопоставимыми, в позициях тождества и антитезы, и это раскрывает в них неожиданное, вне стиха невозможное, *новое семантическое содержание* [...] Антитеза означает выделение противоположного в сходном (коррелятивная пара), отождествление — совмещение того, что казалось различным, в одной точке” [5, 88-90]. В нашем примере фрагмента поэтического текста мы сталкиваемся с приемом отождествления, в рамках которого происходит совмещение в одной точке действий различного характера, что достигается рифмовкой последних слов и использованием глаголов в трех последних строках в одной грамматической форме инфинитива (*to make reply, to reason why, to do and die*). Все эти аспекты придают поэтическому тексту особую значимость, особым образом передают его содержание и воздействуют на восприятие его читателем.

Если в семиотическом плане рассматривать взаимодействующие тексты как сложные знаки, то фрагмент поэтического текста не только указывает на иную социально-историческую действительность, но и обладает особой структурой означаемого, в нашем случае — выстроенной посредством приема отождествления.

Исходя из вышесказанного, коммуникативную целеустановку включенного фрагмента поэтического произведения можно определить, на наш взгляд, как необычное, эстетическое изображение действительности. Она также подчинена установке принимающего публицистического текста. Включение фрагмента поэтического текста в состав публицистического позволяет взглянуть на современные события через призму поэтического текста и наоборот, т.е. между ними устанавливаются диалогические отношения. При этом одновременно задействуются процессы аналитического и эстетического восприятия действительности.

Что касается прагматического аспекта, то, на наш взгляд, включение фрагмента поэтического текста соответствует двум грайсовским постулатам категории количества:

1. Твое высказывание должно содержать не меньше информации, чем требуется (для выполнения текущих целей диалога).

2. Твое высказывание должно содержать не больше информации, чем требуется (для выполнения текущих целей диалога) [9].

Текущими целями в данном случае являются передача информации о мужестве и самопожертвовании людей, перед лицом смерти выполнивших свой профессиональный долг, несмотря на допущенные другими ошибки, и формирование определенного отношения читателя к приведенным фактам. Включенный фрагмент поэтического текста как раз помогает передать именно этот объем информации и выделить её в последующем (принимающем) тексте.

Во включенном фрагменте эксплицирована информация о допущенной кем-то ошибке (*Someone had blundered*) и имплицирована информация о мужестве людей, выполняющих приказ (*Theirs not to reason why, Theirs but to do and die*). В принимающем тексте содержится имплицитное подтверждение, что действительно были допущены ошибки и один из руководителей спасательной операции попытался их исправить; это подтверждается путем отрицания, т.е. отказа от действий, которые совершались другими (... *he put his men to work digging in the rubble, not racing into the doomed building*). В то же время во фрагменте высказывания “*racing into the doomed building*” содержится имплицитная информация о мужестве людей, выполнивших свой профессиональный долг.

Как уже упоминалось, отличие и контраст между отраженными в тексте статьи предметно-референтными ситуациями послужил основой для выделения типа интерференции дискурсов, анализируемого в данном разделе работы. Когнитивные образы данных ситуаций предстают в виде моделей, а именно – сценариев как базовых структур репрезентации знаний [3; 7]. При восприятии взаимодействующих текстов в сознании реципиента актуализируются два разных сценария: “террористический акт” (принимающий текст) и “битва во время войны” (включенный текст).

Каждый из актуализируемых посредством текстов сценариев репрезентирует свой набор знаний общего характера о характерных для данных ситуаций участниках/противоборствующих сторонах (*солдаты, офицеры, высшее командование vs. террористы, спецслужбы, полиция, мирное население, спасательные службы и т.п.*), об определенной последовательности действий в каждой из ситуаций (*конфликт между государствами, начало боевых действий, подготовка к очередному бою, атака, наступление/отступление vs. неожиданное нападение/взрыв, осуществление спасательной операции, следующее за этим освещение в средствах массовой информации, последствия и т.п.*), о времени и месте событий (*как правило, заранее известное противоборствующим*

сторонам время, поле боя vs. неизвестный заранее момент времени, действие фактора неожиданности, известные только организаторам места массового скопления людей, транспортные средства и т.п.).

Маркерами конкретных предметно-референтных ситуаций, фрагментарно представленных в тексте, выступают следующие лексические единицы и словосочетания: *Ground Zero, WTC, 9.11.01, North Tower, doomed building, collapsed, rubble, heroes, funerals* (“террористический акт”); *soldier, to do and die* (“битва во время войны”). Использование инфинитива *to do* не предполагает конкретизации выполняемого действия, однако при этом имплицитно подразумевается смысл “выполнение приказа”, поскольку действие приписывается солдатам, т.е. подчиненным, которые обязаны выполнять приказы без каких-либо обсуждений или вопросов (*Theirs not to make reply, Theirs not to reason why*). Количество маркеров ситуации, к которой относится включенный текст, минимально, что обусловлено объемом данного текста. К периферии понятия “битва” можно отнести и использованный во включенном фрагменте глагол *dismay'd*.

В данном случае категориальная ментальная модель выстраивается в сознании реципиента на основе принимающего текста. Это обусловлено тем, что отрывок из поэмы процитирован в заключительной части статьи. Интерпретация передаваемой включенным текстом ситуации происходит через призму определенных категорий, вводимых принимающим текстом.

Категориальный характер структурного устройства моделей был отмечен Т.А. ван Дейком: “... каркас модели составляет схема, в которую входит определенное число фиксированных категорий” [3, 165]. Обратимся к лежащей в основе сценариев категориальной ментальной модели, применимой к обоим из них и служащей источником структур, используемых в этих сценариях.

№ п/п	Категории	Конкретизация категорий
1.	<i>Обстоятельства:</i>	dangerous situation
2.	<i>Субъекты действия:</i>	chiefs and subordinates
3.	<i>Действие(я):</i>	obeying orders
4.	<i>Последствия:</i>	destruction, casualties, death

Рассмотрим, как сконструированная ментальная модель реализуется во взаимодействующих текстах, т.е. каким образом происходит заполнение составляющих категориальной ментальной модели конкретной информацией из текстов:

1. *Обстоятельства:* “*attacks*”, “*hijackings*”, “*threat*”, “*crisis*”, “*collapse of one of the Twin Towers*”, “*embattled capital*”, “*survivors*” (принимающий текст). Для коннотативной характеристики ситуации используются также такие сочетания, как “*confusion reigned*” и “*worst nightmare*”.

Кроме этого, серьезность и опасность ситуации подчеркивается путем сравнения событий с ядерной войной: *“Horrible as the events in New York and Washington were, Cheney understood, they were well short of a nuclear attack”*. В предложении *“At one point amid the tumult of threatening but mostly erroneous reports, Cheney was told that counterterrorism experts on the National Security Council staff had suggested that he relocate to a safer place”* употребление прилагательного *safe* в сравнительной степени подчеркивает тот факт, что настоящее местонахождение государственного деятеля было опасным. При помощи включенного текста первая составляющая ментальной модели может быть заполнена информацией, передаваемой причастием прошедшего времени *“dismay’d”* в функции постпозитивного определения и глагола *“die”*, которые обозначают эмоциональное состояние и то, что может произойти с человеком в данной ситуации.

2. *Субъекты действия*: *“firefighters”*, *“chiefs”* (принимаящий текст). В этом тексте также использованы словосочетания с притяжательными местоимениями *their* и *his* (*some of the chiefs tried to call their men out of the North Tower, in the final minutes he put his men to work*), обладающими семой *belonging*, что и позволило нам отнести их к категории, связанной с отношениями подчиненности. Во включенном тексте показателем категории, представленной во второй составляющей ментальной модели, является существительное *“soldier”*, в дефиниции которого также есть показатели подчиненности: *a member of the army of a country, especially someone who is not an officer* [Longman 1995: 1368]. Предположим, что тот, чей приказ выполняли солдаты, обозначен во включенном тексте посредством неопределенного местоимения *“someone”*, поскольку речь в отрывке идет о том, что солдаты не имели права выяснять, что за ошибка была допущена кем-то, а должны были выполнить приказ, несмотря на неминуемую смерть.

3. *Действие(я)*: *“he put his men to work digging in the rubble, not racing into the doomed building”* (принимаящий текст); *“theirs but to do”* (включенный текст). Во включенном тексте действие, выполняемое солдатами, не конкретизируется, поскольку общеизвестно, что все действия солдат в боевой обстановке связаны с выполнением приказов старших по званию.

4. *Последствия*: *“Brian gave his son a chunk of concrete from Ground Zero, marked WTC 9.11.01. “Your grandfather was a hero, and he was killed by this”, “Heaven has some fire department now”* (принимаящий текст). В последнем высказывании категория, представленная в четвертой составляющей ментальной модели, выражена в принимающем тексте метафорически. Таким образом, в высказывании имплицирован смысл *“the firefighters are dead”*. Во включенном тексте данная категория эксплицитно реализуется посредством глагола *“die”*.

Данная ментальная модель помогает выделить некоторые общие, схожие моменты в социокультурных и обстоятельственных контекстах взаимодействующих текстов, например, то, что подчиненные выполняли приказ, несмотря на неминуемую смерть. Применение ментальной модели к обоим текстам, т.е. способность её категориальных составляющих быть наполненными информацией из обоих текстов доказывает эту общность.

Имеющие непосредственное отношение к рассматриваемому процессу интерференции поэтического и публицистического дискурсов актуализируемые знания о социокультурных контекстах взаимодействующих текстов связаны прежде всего с таким фактором, как хронологический. Включенный текст относится к середине XIX века, принимающий – к началу XXI века.

Событийные составляющие социокультурных контекстов также различаются, поскольку включенный текст имеет отношение к одному из сражений (при Балаклаве) во время Крымской войны, а принимающий текст рассказывает, как известно, о террористических актах в Нью-Йорке.

С социокультурным контекстом принимающего текста непосредственно связаны, на наш взгляд, знания о современных особенностях явления терроризма в целом и о событиях 11 сентября 2001 г. в частности. Поскольку реципиенты являются современниками этих событий, то при восприятии текста статьи читатель может соотнести свой собственный опыт с информацией, содержащейся в принимающем тексте. Возможно, он вспомнит себя в этот день и реконструирует свое восприятие этих страшных событий. Естественно, что читателю легче соотнести принимающий текст с современным социокультурным контекстом.

Итак, в рассмотренном примере интерференция поэтического и публицистического дискурсов заключается в следующем:

1. столкновении жанровых характеристик взаимодействующих текстов;
2. комбинировании их коммуникативных целеустановок, одновременном функционировании процессов аналитического и эстетического восприятия действительности при восприятии текстов;
3. столкновении предметно-референтных ситуаций, к которым относятся данные тексты, и их моделировании;
4. столкновении знаний о социокультурных контекстах вышеуказанных текстов.

Данный тип интерференции, как отмечалось выше, основан на ситуативном контрасте, т.е. отличии ситуаций (“террористический акт” vs. “битва во время войны”), изображенных во взаимодействующих текстах разных жанров. Когнитивная модель, которой

и является выделенная нами категориальная ментальная модель, играет весьма важную роль в процессе интерференции дискурсов, поскольку позволяет выявить общие категории и последовательность действий в разных социокультурных, ситуативных и обстоятельственных контекстах, которые оказываются связанными между собой посредством взаимодействующих в интертексте текстов.

Библиографический список

1. Аристотель. Об искусстве поэзии//Античная литература. Греция. Антология. Ч. 2 / Сост. Н.А. Федоров, В.И. Мирошенкова. – М., Высш. шк., 1989. – С. 348-364.
2. Варшавская А.И., Мальцева Н.Б. Внешние связи текста//Диалектика текста: В 2 т. Т. 2 / А.В. Зеленщиков, О.В. Емельянова, Л.П. Чахойян и др.; Отв. ред. проф. А.И. Варшавская. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2003. – С. 74-90.
3. Дейк Т.А., ван. Язык. Познание. Коммуникация: Пер. с англ. / Сост. В.В. Петрова; Под ред. В.И. Герасимова; Вступ. ст. Ю.Н. Караулова и В.В. Петрова. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.
4. Литературная энциклопедия терминов и понятий / Гл. ред. и составитель А.Н. Николюкин. – М.: НПК “Интелвак”, 2003.
5. Лотман Ю.М. Лекции по структуральной поэтике//Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. – М.: “Гнозис”, 1994. – С. 11-263.
6. Лотман Ю.М. О семиосфере//Лотман Ю.М. Избранные статьи: В 3 т. Т. 1. Таллинн, 1992.
7. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. – М.: ИТДГК “Гнозис”, 2003. – 280 с.
8. Серю П. Анализ дискурса во французской школе [дискурс и интердискурс] // Семиотика: Антология / Сост. Ю.С. Степанов. Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. – С. 549-562.
9. Grice H.P. Logic and Conversation//Cole P., Morgan J. Syntax and Semantics, 3: Speech Acts. New York: Academic Press, 1975. – P. 41-58.
10. Longman Dictionary of Contemporary English. Harlow: Longman Dictionaries, 1995. – 1668 p.
11. Verdonk P. Stylistics. Oxford: Oxford University Press, 2002. – 124 p.